

КИТАЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

А.В. Виноградов

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА • 1/2010

В последнее десятилетие характер общественного развития Китая все чаще описывается понятием «модернизация», т.е. приближением к современности, появление которой в нынешнем виде связывается прежде всего с развитием западного мира. Исследование модернизации как одной из форм социально-исторического движения, альтернативного естественно-историческому типу, предполагает, таким образом, сопоставимое внимание не только к исходной точке — китайской цивилизации, но и к западной, воспринимавшейся на определенном этапе в качестве бесспорной цели общественной эволюции.

До Второй мировой войны альтернатива развития имела четкую определенность, в которой капитализму противостоял социализм, не только не ставивший под сомнение ведущую роль Европы в мире, но и последовательно и энергично утверждавший ее. Взаимодействие культурных миров за пределами коммунистической идеологии определялось термином «вестернизация», отражавшим как реальные социально-экономические процессы, так и политику западных держав в отношении «мировой периферии».

После Второй мировой войны прежняя модель мира стала уходить в прошлое. Образование «третьего мира» на обломках колониальной системы усилило противостояние двух общественных систем, дополнив его конфликтом развитых и неразвитых государств. Тогда же появилась теория модернизации, обосновывавшая западный взгляд на развитие новых государственных образований и аргументировавшая неизбежность их движения в сторону западной модели развития. Критерии модернизации совпадали с крите-

риями индустриального общества, ее обязательными чертами были изменения во всех сферах человеческой деятельности, при которых трансформация одного института приводила к соответствующим изменениям в других, а единицей анализа являлось национально-территориальное образование — государство. Основные положения этой теории были изложены в работах Ш. Айзенштада, С. Блэка, Д. Аптера и др., ставших классическими уже в 1960-е годы.

Однако довольно скоро стало ясно, что в результате мирохозяйственных связей стремление к достижению уже существующего уровня обрекает избравших эту модель на постоянное отставание. Одновременно стало выясняться, что и черты модернизи, успешно объясняя отличия современного европейского общества от средневекового, мало что дают для понимания отличий европейской цивилизации от азиатских, в том числе от китайской. Практические результаты освоения европейской материальной культуры другими народами не свидетельствовали о воспроизводстве западной социальной матрицы, из чего вытекал вывод, что теория модернизации не справляется с возложенными на нее функциями.

Между тем в самой западной цивилизации нарастали кризисные явления. Продолжая традиции экономического детерминизма, теории постиндустриального общества дали новое объяснение общественно-экономическому развитию Запада. Из анализа развитых стран ими был сделан вывод, что модернизи как эпоха индустриальной фазы экономики завершается. Естественное стремление исследователей выйти за рамки обнаружившего изъяны индустриального

общества не могло быть удовлетворено в рамках экономических концепций. Смещение акцентов в сферу культуры стало ведущей тенденцией общественных наук.

После того как концепция модер-на подверглась критике, под ударом оказалась и теория модернизации. В 1980-е годы она была связана уже не столько с конкретными результатами социально-экономических преобразований, сколько с изменившимся дискурсом интеллектуальных кругов, испытавших влияние постмодернизма, вследствие чего произошел отказ концепции от универсализма и идеологической конфронтационности. В результате был разрушен стереотип, в соответствии с которым социализм рассматривался как принципиальный оппонент либерализма. Одновременно по мере ослабления международной напряженности и возникновения противоречий внутри социалистического лагеря его историческая миссия все больше стала связываться с ускорением экономического развития отсталых стран, а основания для противопоставления марксизма и теории модернизации исчезали.

В результате в 1990-е годы понятие «модернизация» стало подразумевать не столько средство приближения к европейскому типу социально-экономической организации, сколько особый тип развития. Его отличительной чертой является отсутствие четко выраженных периодов взрывного (революционного) и стабильного (эволюционного) развития. Модернизация, таким образом, предстала не просто сменой одного состояния другим, не только характеристикой трансформирующегося социального пространства, но и социально-исторического времени — процессом постоянной смены, рассматриваемым в качестве одной из важнейших черт и ценностей современного общества.

Научно-технический прогресс, став основанием для глобального утверждения Западом своих культурных норм, вызвал их отторжение другими народами. Более

того, как свидетельствует история XX в., после удара западной цивилизации все они постепенно, хотя и в разной степени, возвращаются к традиционному способу воспроизводства культуры, демонстрируя нарастающее многообразие развития. Одновременно опровергается постулат классической теории модернизации: сегодня этот процесс затрагивает уже не отдельные нации-государства, а целые культурные ареалы.

Модернизация и Китай

Развитие Китая, с середины XIX в. протекавшее под определяющим влиянием технико-технологического превосходства Запада, а после 1949 г. под растущим воздействием социалистических идей, а сейчас приобретающее все большую самобытность, во многом соединило эти качественно разнородные процессы. Таким образом, все три наиболее распространенные в XX в. модели общественного развития, описываемые концепциями перехода от традиционного общества к современному, социалистического строительства и взаимодействия Восток — Запад, оказались применимы к Китаю, где они, объединившись, предложили принципиально новую модель, в которой крупномасштабные социально-экономические и общественно-политические изменения становятся результатом целенаправленных усилий государства.

Зарождение новой эпохи совпало с вовлечением во всемирную историю все большего числа стран, перед которыми встала задача привести свой социально-экономический уровень в соответствие с мировым. Единственным способом ее решения могло стать ускорение развития, т.е. смена естественно-исторического типа на новый, субъектный. Материалистическое понимание истории, воплотившее экономический детерминизм европейской цивилизации и основные черты наступившей эпохи, обусловило выбор марксизма рядом отсталых стран для решения

задач национального и социального освобождения, а также для преодоления разрыва с мировыми лидерами.

Поставив своей целью решение задач, вставших перед европейским обществом, марксизм за пределами Европы стал восприниматься преимущественно как средство догоняющего развития, оторвав практику социалистического строительства от ценностей европейской цивилизации. Утратив приоритет европейских нравственных ценностей, мобилизационная модель развития тем не менее длительное время не признавалась в качестве самостоятельной и получила наименование «государственно-административный социализм», подчеркивающий ее производный от других европейский характер.

Зафиксировав генезис мобилизационного типа развития, теории национального освобождения и социалистического строительства существенно отличались от западных концепций, предложив обширные ниши для национальной культуры, что обеспечило политический успех их сторонникам. Тем не менее экономическая отсталость социалистических стран предопределила, что соответствие социализма требованиям нарождающейся эпохи и его самостоятельный характер на протяжении длительного времени оказались скрыты проблемами текущего развития. Только в конце XX в. появились основания для того, чтобы связать этот тип развития с поисками национальной (цивилизационной) идентичности в социокультурной и социально-политической сфере.

Господствовавшие в научном сообществе социологические, исторические и идеологические концепции играли определяющую роль в изучении социально-экономических и общественно-политических процессов в Китае. До Второй мировой войны американские и западноевропейские обществоведы рассматривали его в традиционном европоцентристском ключе, уделяя внимание прежде всего вопросам, связанным с иностран-

ном влиянием, что в целом верно отражало узловые проблемы его развития с середины XIX в. После 1949 г. общественные процессы в Китае стали рассматриваться с большим вниманием и заинтересованностью. Однако в фундаментальных исследованиях по-прежнему главное внимание уделялось досиньхайскому и республиканскому периодам, и редко преодолевался рубеж 1949 г. Текущей ситуацией занимались в основном политологи и экономисты, поставлявшие государственным институтам оперативную аналитическую информацию, не погружаясь в изучение фундаментальных вопросов.

Толчком к переосмыслению представлений о Китае стали успехи КНР в первое десятилетие социалистического строительства, а затем война во Вьетнаме и поражение в ней США, положившие начало пересмотру ряда параметров прежних западных концепций мирового развития. Стало формироваться новое отношение к КНР, китайская революция была признана не только политическим и идеологическим явлением, но и явлением китайской культуры и истории, что сделало возможным ее изучение в контексте развития китайской цивилизации. Тогда же было признано ошибочным противопоставление теории модернизации и марксизма как интеллектуальных альтернатив, а марксизм стал рассматриваться как один из вариантов теории модернизации.

Начало реформ в 1978 г. не внесло принципиальных изменений в характер изучения КНР. Поскольку в теоретическом отношении постмодерн оказался не завершен, то и в исследованиях современного Китая не произошло концептуальных прорывов. До сих пор внимание западных исследователей в первую очередь привлекают экономическая реформа, рост экономического и военно-промышленного потенциала как факторов регионального и мирового развития.

До 1980-х годов марксистское понимание общественного развития во многом доминировало и в КНР. Даже про-

цессы в дореволюционном Китае было принято рассматривать в русле формационной теории, сводящей к борьбе рабочих и крестьян с китайскими помещиками, иностранным капиталом и маньчжурским господством объяснение причин и характера его социально-исторической динамики. Концепция «строительства социализма с китайской спецификой», выдвинутая китайским руководством в начале 1980-х годов, расширила рамки исследований, ориентируясь на поиск новых подходов. Существенным стало признание уникальности древней китайской цивилизации и общественной мысли, а также их влияния на современное развитие.

На рубеже третьего тысячелетия, когда кризис действующего мироустройства вызывает все большую обеспокоенность, а альтернатива ему не определена, изучение Китая с целью вписать протекающие в нем процессы в общемировой контекст может пролить свет на фундаментальные тенденции глобального развития. Для этого развитие Китая необходимо рассматривать как комплексный процесс, который сначала описывался в понятиях «традиционное — современное», а затем «социализм — капитализм» и «национальная идентичность — глобализация», акцентируя внимание не столько на различиях в рамках каждой пары, сколько на том, что их объединяет, проанализировать общие и специфические принципы социально-политической и социокультурной трансформации, уделив особое внимание сравнению с формационно и цивилизационно близкими странами, интерпретировать роль марксизма в этом процессе, а также представление о национальной идентичности, рассмотрев ее как структурообразующий элемент современного мира.

Генезис революций нового типа

Экономический детерминизм марксизма обосновал главенство в его методологии естественно-исторического подхода, в соответствии с которым борь-

ба классов неизбежно завершится ликвидацией социальных антагонизмов. Для реализации ставшего рациональным идеала стало возможно использование выявленных общественных закономерностей. Объединив научную теорию и неизбежные выступления пролетариата, можно было создать условия для ускоренного достижения естественно-исторически предначертанных целей. Революция стала центральным элементом нового типа развития и необходимым условием социального прогресса. Стихийному течению истории стала противостоять история, строящаяся в результате целенаправленных усилий, прилагаемых в соответствии с теоретическими представлениями.

Высокий уровень абстракции придал марксизму строгость, сделал удобным для использования в других странах. Оказалось, что его основные инструменты по преодолению изъянов западной цивилизации — план и диктатура адекватны для решения задач социального развития в отсталых странах. Представляя оппозиционное движение, сочетавшее принадлежность к могущественному Западу и критику его несовершенства, марксизм приобрел популярность в коллективистской культуре России.

Главной особенностью воздействия Европы Нового времени на Россию стала собственная инициатива последней по усвоению характерных черт европейской жизни. Логика петровских заимствований была продиктована кругом прикладных задач. Преобразования начались с военной реформы, которая повлекла за собой создание промышленности, финансовой системы, принятие западных стандартов образования. Успешное решение задач, поставленных под воздействием внешних факторов, укрепило государство. Внутренние стимулы к преобразованиям, не вызрев полностью, потеряли актуальность. Одновременно произошло разделение российского общества по типу культурной ориентации — высшие сло-

оказались ориентированы на западный образ жизни, мыслей и ценности. Самостоятельным фактором развития стали общественно-политические теории.

В результате преобразований в начале XIX в. на социально-политической сцене возник не связанный с властью слой, обладавший не только европейским образованием и рациональным взглядом на мир, но и не порвавший связи с национальными традициями. Представители разночинной интеллигенции первыми увидели пороки западной модели и предложили путь к общественной справедливости, учитывающий экономические, социальные и политические особенности России — через соединение крестьянской общины с социалистической мыслью. Включив в социальный проект в качестве позитивного фактора основную часть населения, они признали за общиной право оставаться носителем цивилизационного ядра и наметили подходы к формулированию национальной идентичности, назвав это «русским социализмом» (А. Герцен). Считая, что история Западной Европы является примером синхронного развития, при котором экономические и политические аспекты вызывают соответствующие изменения друг в друге, они предположили, что естественный путь не является единственным вариантом исторического движения — возможна его асинхронность.

С восприятия марксизма Г. Плехановым начался новый этап в отношениях с Западом. По его убеждению, формационная теория Маркса сумела предложить ответ на большинство вопросов социально-экономического развития России. Схема ее последующего развития выглядела абсолютно логичной и убедительной: капиталистические преобразования создадут союзный революционной интеллигенции пролетариат, породив классовую борьбу, которая освободит страну и от власти царя, и от буржуазии. Однако свойственная Европе синхронность отказывалась находить практическое подтверждение в Рос-

сии — экономический рост не только не вел к изменению политического строя, но и не сопровождался установлением капиталистических отношений.

Признав особый характер российского общества, большевики отдали приоритет не столько социально-экономическому развитию, сколько профессиональной политической деятельности. В отличие от буржуазных революций, которым предшествовало завоевание экономического пространства, российская социал-демократия предложила сначала взять политическую власть, а затем вернуться к преобразованиям базиса. Обрусевший марксизм, таким образом, преступил один из фундаментальных принципов европейской цивилизации — следование естественно-историческим закономерностям. Поставив в качестве цели не самоусиление существующего государства, а приближение его к критериям западного, русские интеллектуалы заимствовали из западного опыта идею революции, для осуществления которой ими был выработан уникальный политический инструмент — авангардная партия, которая заменила в общественно-политическом многочлене марксизма понятие «естественно-исторический».

После победы в 1917 г. революции иностранная интервенция и Гражданская война в значительной степени определили черты новой государственности, которая стала формироваться не только под влиянием марксистского идеала, но и с учетом практических задач. Сложившийся хозяйственный механизм, известный как «военный коммунизм», совпадал в основных чертах с экономической теорией Маркса. Отличие заключалось в том, что централизованное распределение использовалось не для осуществления уравнительного идеала социальной справедливости, а для мобилизации ресурсов на приоритетных направлениях. Сложившаяся к началу 1920-х годов экономическая модель оказалась далекой от гуманистических идеалов социализма, но эффек-

тивной для решения мобилизационных по своей природе задач. Укрепление нового государственного строя и реализация революционного идеала стали основными принципами деятельности новой власти, между которыми постоянно тлеет конфликт.

Провозгласив целью достижение уровня развитых государств, коммунистическая партия изменила характер марксизма в России, сделав его государственной идеологией. Итоги Второй мировой войны предопределили решающее влияние советской системы на начальный этап строительства социализма в других странах. Составляющие ее сущность общественная собственность, распределение по труду, плановый характер экономики и командно-административная система отвечали задаче преодоления разрыва с капиталистическими странами. Однако по мере ее решения в советской модели стали проявляться серьезные изъяны. Возникшее в результате постоянных изменений между внешними факторами, государственными интересами и идеологическими принципами напряжение можно было преодолеть, только существенно модифицировав идеологию.

Революция и модернизация

В середине XIX в. Китай также как и Россия столкнулся с вызовом западного мира. Но в отличие от России китайский императорский двор не смог преодолеть тысячелетних традиций китаецентризма и был не в силах расстаться с идеей собственного культурного превосходства. Предпринимавшиеся им меры по усвоению западных достижений были поверхностны и непоследовательны.

Надежда на потенциал совершенствования существующего строя существовала и у государственных чиновников, которые, как и их русские предшественники, обратились к западным концепциям, а также к опыту России и Японии. Но, даже признавая необходимость масштабных

изменений, инициаторы первой последовательной концепции преобразований — «100 дней реформ» (1898 г.) строго придерживались традиционной этики и не призывали к свержению строя, поэтому в отличие от петровских результаты первых китайских реформ были минимальными. Несмотря на неудачу, предпринятая попытка синтеза национальной традиции с западными идеями продемонстрировала готовность китайских интеллектуалов к модернизации традиционной культуры.

Наступление следующего этапа было связано с появившимся в конце XX в. западнообразованным и независимым от государства социальным слоем. В результате безуспешных попыток предшественников Сунь Ятсен осознал необходимость радикальной смены строя и заимствования методов управления и интеллектуальных стандартов. Смысл его общественно-политической доктрины состоял в более динамичном движении к современности. В своей политической программе он объединил две главные для Китая задачи: погоню за мировыми лидерами и смену режима. Наиболее важным вкладом в общественно-политическую мысль Китая стала идея Сунь Ятсена о возможности проведения насильственной революции, нарушавшая традиционные представления о ходе исторического процесса. Он первым стал связывать преобразования не с постепенным изменением взглядов императора и чиновников, а с уничтожением старых и утверждением новых общественных институтов. Однако энергии Синьхайской революции (1911 г.) хватило только на слом старой машины, на обломках которой выросли региональные милитаристские группировки. Выступив главным защитником осколков разваливающегося государства, милитаризм стал временной хозяйственно-политической формой выживания традиционной культуры, придавший status quo состоянию неустойчивого равновесия. Предложить позитивную программу государственного

строительства в этих условиях могла только революционная интеллигенция.

Желание Сунь Ятсена найти на Западе своего естественного союзника в борьбе за национальное освобождение обусловило повышенный интерес к социалистическим учениям, подвергавшим жесткой критике империалистическую политику, и одновременно близким традиционным этическим концепциям. Европейские идеи социальной справедливости, вступив во взаимодействие с традициями китайской общины и патриотическими чувствами, привели к созданию идеологии нового типа, в которой тесно переплелись национальное и классовое. В отличие от других школ социалистической мысли марксизм смог стать инструментом политической борьбы, не только объяснив социально-экономические закономерности феодализма, в которых китайцы легко угадывали собственную действительность, но и империализма, который им навязывал Запад. Интерес к марксизму значительно вырос после Октябрьской революции и образования Советского государства, продемонстрировавшего на практике способность эффективно противостоять не только вооруженной агрессии западных держав, но и самостоятельно развиваться. Движение «4 мая 1919 г.», вызванное ущемлением чувства национального достоинства итогами Первой мировой войны, придало импульс общественно-политической деятельности студенчества и интеллектуальной элиты Китая, создав предпосылки для их организационного оформления. С появлением КПК (1921 г.) настоящим марксизмом многие в Китае стали считать осуществленный в России большевизм. Китайская компартия, таким образом, с самого начала рассматривала марксизм прежде всего как государственную, а не классовую идеологию.

Последовавшая идейно-политическая и организационная реформа Гомиьндана с использованием советского опыта партийного строительства в начале

1920-х годов создала условия для политического союза с китайскими коммунистами. Появление мощной, хорошо организованной политической силы положило начало успешному освобождению страны от милитаристов и объединению ее под властью революционного правительства в ходе национальной революции 1925–1927 гг. Однако расширение влияния компартии обострило борьбу между крупнейшими политическими силами за лидерство. ГМД не успевал за ростом политической активности населения и был вынужден пойти на разрыв с КПК, быстро расширявшей свое влияние в массах и органах власти.

Главный политический оппонент КПК, превратившись в единственную правящую партию и вынужденно сосредоточившись на хозяйственной деятельности, постепенно терял революционный импульс. Социально-политические усилия, которые приложил ГМД для модернизации традиционного общества, оказались явно недостаточными. Под влиянием социокультурной среды началось движение не в сторону новой государственной идентичности, а возвращение к национальной традиции, которое шло более быстрыми темпами, чем допускало решение мобилизационных задач.

У КПК, оказавшейся в результате поражения национальной революции (1925–1927 гг.) и последовавшей гражданской войны в сельских районах, появились мощные стимулы для творчества. В 1930-е годы оформились характерные черты ее политической деятельности: опора на практику, центральная роль армии, широкий союз на национальной, а не классовой основе и т.д. Вызревшая в этих условиях доктрина «китаизированного марксизма» привела к общему знаменателю европейские построения и китайские реалии политической борьбы. Не только китаизируя марксизм, но и европеизируя традиционные китайские концепции, она полностью укладывалась в китайские представления об использо-

вании западного для собственного совершенствования, предопределив в конечном счете победу КПК.

После завоевания компартией власти в 1949 г. изменился характер и масштаб стоящих перед ней задач. В соответствии с распространенными тогда в коммунистическом движении представлениями национальная специфика ограничивалась проведением революции в «полуфеодальной, полуколониальной» стране, а после ее победы задача развития многократно облегчалась движением по уже известному маршруту. Ясность цели делала главной задачей увеличение скорости. До начала 1950-х годов деятельность КПК концентрировалась в социально-политической и военной сферах, в которых решающими были политическая воля и организация. Революционные методы преобразований выглядели в равной степени применимыми и к экономическим процессам. Во многом поэтому из-за негодных средств программа форсированной индустриализации закончилась провалом, быстро исчерпав потенциал простого живого труда. Неудачи социально-экономических экспериментов Мао Цзэдун расценил как недостатки социокультурной среды, сделав вывод о необходимости перенести центр преобразований на социальные отношения, искусственно создать зону социально-политического напряжения, чтобы вырваться за пределы традиционного общества и за рамки естественно-исторического развития.

Во время «культурной революции» (1966–1976 гг.) зависимость экономического развития от социально-политических факторов приобрела для маоистов абсолютный характер. История «культурной революции» и ее результаты позволили сформулировать основное противоречие социалистического строительства в Китае — между экономическим детерминизмом марксистской теории и социокультурной реальностью, не подчиняющейся характерным для Запада законам общественного развития.

На протяжении всей китайской истории конфликт поколений, являвшийся одним из главных факторов социального развития, скрадывался социально-политическими институтами и традиционной этикой, обеспечивавшими общественную стабильность. В ходе «культурной революции» инерции социокультурной среды вновь был брошен вызов, но не извне, а изнутри — революционным характером новых лозунгов, которые по замыслу ее организаторов должны были отразиться на социально-политическом динамизме масс. Подключив к процессу свободную от норм традиционного общества молодежь, Мао Цзэдун рассчитывал нейтрализовать влияние старых традиций. Но на практике выяснилось, что вместе с традициями исчезла и социально-политическая стабильность. Новые структуры власти оказались не способны контролировать массовое движение. Мао был вынужден укрепить личную власть, ставшую единственной точкой общественной консолидации. Потенциал революции как важнейшего инструмента модернизации был, таким образом, исчерпан в «культурную революцию», революционно возродившую традиции государственного управления.

Всем китайским революциям, начиная с Синхайской (1911 г.) и кончая «культурной», свойственны существенные общие моменты, которые позволяют не просто выделить их типичные черты, но и определить их место и функции в общественном развитии. Традиционные культура и социальная организация были не способны эффективно ответить на вызовы времени и внешние угрозы, но были еще достаточно сильны, чтобы сопротивляться внутренним попыткам реформирования. Усиливающееся давление внешней среды испытывало на прочность всю китайскую культурную традицию. В наибольшей степени его ощущали действующая власть и политическая традиция, консолидировавшие китайское общество и придававшие ему политичес-

кую, государственную идентичность. Поражение государства в конфликте с внешними силами, властью и лояльными ей социальными слоями воспринималось тождественным поражению культуры. Для социальных слоев, не связанных с государством, естественной выглядела мысль о жертве части во благо целого. Бескомпромиссный выбор требовал проведения революции, т.е. сознательного разрушения прежнего социально-политического организма, инерция которого неумолимо вела Китай к гибели. Разная степень давления, испытываемая различными социокультурными слоями, обострила конфликт между ними, предопределив вооруженный, т.е. неконвенциональный — обычный для единого культурного массива, способ урегулирования отношений и разрушения политической традиции, в первую очередь свержения ее носителей. Задача революционных сил, осознавших перспективу гибели и готовых предложить альтернативную модель развития, состояла в том, чтобы сформировать новый механизм управления, способный воссоздать конкурентоспособную для мировой истории социальную организацию на месте и из материала прежней.

Так определился круг задач китайской революции, а возможно, и некоторых других революций Новейшего времени. Во-первых, необходимо было разрушить прежнюю политическую организацию, начав с устранения высшего руководства, являвшегося главным носителем традиции. Отличие политических переворотов от революций заключается в том, что новая политическая сила использует обретенную власть для формирования нового социально-политического механизма, а не пользуется действующим. Поэтому, во-вторых, необходимо было решить задачи переходного периода и удержать социум от распада и хаоса особыми, экстраординарными — мобилизационными и насильственными методами, поскольку традиционные — этические и политические — не действовали.

Перечисленные задачи диктовали свои условия. Революции должны были осуществляться не просто вооруженными методами, но и при активном участии военных, на которых возлагалась задача сохранения общественной ткани от распада. Вместе с тем военные, призванные по своей природе выполнять государственно-охранительные функции, были не в состоянии создать новые социальные связи и принципы социальной организации. Поэтому рано или поздно перед обществом возникала задача перейти к гражданскому, т.е. стабильному, немобилизационному правлению, на которое возлагалась задача по конструированию нового социального организма и системы его управления. Авангардные партии в силу своих организационных особенностей и принципов построения были близки армейским структурам и могли сочетать функции разрушения и созидания. Очень часто они прямо возлагали на военных выполнение задач социалистического строительства, что неизбежно сказывалось на формах, методах и конечном результате. Изъяны военных методов организации мирной жизни явились одной из главных причин общих недостатков социалистического этапа строительства, особенно на ранних стадиях. Для того чтобы уйти от них, потребовались значительные усилия и время. Но и после этого сохранялась опасность. Слишком раннее освобождение от военного компонента и переход к мирному ритму создавали угрозу реставрации культурной традиции и норм жизни, препятствовавших зарождению нового, постоянно подавляя его.

К середине 1970-х годов выяснилось, что успешная модернизация невозможна при сохранении традиции, но и попытки полностью отказаться от нее не ведут к успеху. Необходимо было эмпирическим путем найти условия для синтеза традиционного и современного. Придание модернизаторской роли традиционной культуре стало главной задачей КПК, сумевшей

найти ей решение в китайской трактовке идей социализма.

Китайские реформы

Смерть Мао Цзэдуна (сентябрь 1976 г.) кардинальным образом изменила политическую ситуацию в Китае. В высшем руководстве обострилась борьба между различными фракциями. Дэн Сяопин в конце 1970-х годов отказался от ключевых положений «культурной революции», заявив о своих претензиях на политическую инициативу и лидерство. Веским основанием для этого был избранный им подход — не следование указаниям Мао, а завоевание авторитета практическими действиями. Переориентация на экономический прагматизм могла породить чрезвычайно опасные для идеократического государства конфликты. Стремясь избежать этого, Дэн Сяопин обратился к марксистскому лозунгу, воплощавшему и традиционный для Китая эмпирический подход: «практика — единственный критерий истины», который стал методологической основой реформ.

В ходе начавшейся дискуссии Дэн Сяопин, хотя и заявлял, что «нельзя нарушать основные принципы марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэдуна», вместе с тем подчеркивал, что их «надо обязательно соединять с действительностью». 3-й пленум 11-го созыва (декабрь 1978 г.) положил начало курсу реформ, которому необходимо было найти позитивное идейно-теоретическое оформление. Выдвижение «четырех основных принципов» (приверженность социалистическому пути, диктатуре пролетариата, руководящей роли КПК, марксизму-ленинизму и идеям Мао Цзэдуна) очертило границы курса на развитие производительных сил, сохранив за реформами социально-политическую определенность.

Социально-экономическая природа «левых» ошибок, допущенных в годы «культурной революции», дала китайской общественной мысли основание ха-

рактеризовать тогдашнее состояние общества как «начальный этап социализма», главной задачей которого является развитие производительных сил. Принятое в этих условиях «Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» (июнь 1981 г.) не привело к отрицанию предшествующего периода, места Мао Цзэдуна в истории китайской революции и не потребовало новых процедур легитимации власти. В начале 1980-х годов стало окончательно ясно, что для продолжения реформ нужна такая теоретическая формула, которая бы примиряла принципы марксизма и социально-экономическую практику и, таким образом, задавала новые ориентиры развития. Марксистским построениям, по-прежнему служившим точкой отсчета для значительной части руководства КПК, требовалось дать новую интерпретацию. Жесткий детерминизм марксистской модели в каждом конкретном случае стремился проверить экономическую целесообразность на соответствие идеологическим принципам, сдерживая проведение реформ. Ссылка на цивилизационную специфику в этих обстоятельствах представлялась важнейшим аргументом в споре с классическими марксистскими построениями. Так проявился основной конфликт политического развития КНР 1980-х годов: между универсализмом экономической модернизации и особенностями исторического развития и национальной культурой.

Осуществление модернизации Китая было описано Дэн Сяопином на XII съезде (сентябрь 1982 г.) с использованием новой идейно-теоретической формулы как «строительство социализма с китайской спецификой». Она давала ему такую же степень свободы в отношении марксизма, как опора на практику — в отношении наследия Мао Цзэдуна.

Решение съезда о первоочередности экономического развития позволило зафиксировать новую точку консолида-

ции. Но провозгласив критерием эффективности экономический рост, КПК была вынуждена признать товарный характер экономики и многоукладность, а план и рынок — средствами экономического регулирования, а не экономическими антиподами. Постановление 3-го пленума ЦК КПК 12-го созыва (октябрь 1984 г.), положившее начало радикальной экономической реформе, обострило противоречия в высшем руководстве страны. В ходе дискуссии Дэн Сяопин на первое место поставил развитие производительных сил, а не осуществление принципа «от каждого по способности, каждому по труду», недвусмысленно дав понять, что за социализмом он оставляет в основном лишь функцию инструмента.

В результате борьбы мнений приоритет производительных сил и китайских условий был уравновешен курсом на строительство социалистической духовной культуры и открытость внешнему миру. При этом верность марксизму по-прежнему провозглашалась главной идейно-политической константой, но ее истинность требовала свежих доказательств.

С середины 1985 г. стали появляться публикации, в которых указывалось, что со времени смерти К. Маркса в обществе произошли глубокие изменения и «некоторые выводы Маркса были отброшены новой практикой». Для преодоления этих недостатков предлагались новые тенденции развития человечества сделать основой новых теоретических обобщений. Одной из важнейших задач провозглашался «прорыв ограниченности прежних трех составных частей, трех источников марксизма».

Такое отношение к развитию марксизма позволило сформулировать новые критерии социалистического общества и отказаться от «несущественных добавлений» к нему. К последним были причислены монополия общенародной собственности на средства производства на начальных этапах социализма; специфиче-

ские методы политики «военного коммунизма»; придание конкретному опыту социалистического строительства универсального характера; централизованная плановая экономика. Основной чертой социализма предлагалось считать единство производительных сил и производственных отношений, в первую очередь характер производительных сил, определяющий отношения распределения и уровень обобществления. Сохранив марксизм в качестве официальной составной части символа государственной идеологии, дискуссия ввела в его теоретическую систему новые проблемы, приблизив его китайскую версию к современности.

Авторитет власти, подтвердившей свою легитимность на идейно-теоретическом уровне, оказался в прямой зависимости от того, сможет ли она эффективно распорядиться результатами реформ: повысить уровень жизни, сократить отставание от ведущих стран мира и решить задачу национального объединения. Развитие товарного производства, признание многоукладности и допущение капиталистических анклавов в свободных экономических зонах сняли идейно-теоретические ограничения для мирного восстановления национального суверенитета на всей территории страны — возвращения Китая колониальных владений Великобритании и Португалии — Гонконга и Макао, и объединения с Тайванем. Концепция «одно государство — два строя» предложила общественное устройство, в основе которого лежит не социально-экономический строй, а этнокультурное единство.

Так же как концепция «одно государство — два строя» объединяла две социально-экономические системы, концепция социалистической духовной культуры, формированию которой был посвящен 6-й пленум ЦК КПК 12-го созыва (сентябрь 1986 г.), попыталась объединить национальную традицию и коммунистическую идеологию, которой стало явно недостаточно, чтобы эффективно контролировать социально-экономически

неоднородное общество. Отказавшись на этом пленуме от коммунистической идеологии как ядра духовной культуры, КПК тем самым начала вносить изменения в механизм политического лидерства. В результате этого подверглась трансформации и модель модернизации, с сугубо идеократической, использовавшей социально-политические факторы, — на прагматичную, готовую задействовать личную инициативу и социокультурные традиции.

Новые социально-экономические и идейно-политические реалии вызвали потребность в более аргументированной социально-политической модели развития. К XIII съезду КПК (октябрь — ноябрь 1987 г.) была сформулирована ее новая идейная платформа. Концепция «начального этапа социализма» (НЭС) утвердила за китайской спецификой формационный характер, дополнив его особенностями политической культуры — влиянием феодалных традиций и «буржуазных пережитков». Сложилась новая иерархия, в которой строительство «социализма с китайской спецификой» провозглашалось воплощением теории начального этапа социализма.

Изменившаяся социально-экономическая структура подготовила условия и для реформы системы управления. Сформировался социальный запрос не только на осуществление демократических преобразований в обществе, но и в системе высшего руководства, которые вели к прямому вызову сложившейся под влиянием национальных традиций и под руководством Дэн Сяопина системе, где личный авторитет стоял выше формальной процедуры. На стороне Дэн Сяопина была подтвердившая свою эффективность на практике методология «реалистического подхода». Политический прагматизм освободил пространство для более близкого китайским традициям социального идеала. При формулировании на XIII съезде стратегической цели — достижения Китаем уровня среднеразвитых стран к 2050 г. Дэн Сяопин использовал

понятие «сяокан» (традиционная китайская концепция «общества среднего достатка»), выглядевшее явной национальной альтернативой НЭС. И поскольку социально-экономическое развитие провозглашалось главной целью государства, то и существующая в Китае политическая система должна была сохраняться до тех пор, пока не исчерпала средств для решения общественных противоречий. Соответственно важнейшей задачей политической реформы стало поддержание стабильности и создание в этих целях механизма адаптации к изменениям, вызванным рыночными преобразованиями.

В то время как политические дискуссии сосредоточились вокруг стабильности и демократии, теоретические дискуссии ушли в сферу культуры, возродив интерес к конфуцианству и проблемам китайской цивилизации. Наиболее перспективным для официальной идеологии вариантом эволюции стало рассмотрение вопросов, связанных с особенностями цивилизационного развития Востока и Запада. Теоретическим обоснованием строительства «социализма с китайской спецификой» была признана концепция азиатского способа производства. Был сделан вывод, что социалистическое общество — это самостоятельная общественная формация и может рассматриваться как особый путь к новой социальной организации, благоприятный для стран с патриархальной системой и приоритетом государственных интересов над личными. В итоге концепция «сяокан» получила солидную теоретическую основу.

Ликвидировав непосредственную угрозу действовавшей политической системе, руководство страны поставило перед собой задачу выстроить такую концепцию реформ, которая бы оптимальным образом связала власть КПК и стратегические цели Китая — экономическую мощь и авторитет на международной арене. Зимой 1992 г. Дэн Сяопин сделал несколько принципиальных заявлений о характере и перспективах развития, подчеркнув необ-

ходимость подчинить деятельность государства трем критериям: развитию производительных сил социалистического общества, укреплению совокупной мощи социалистического государства, повышению уровня жизни народа, которые стали считаться критериями социализма. Это положение было закреплено на XIV съезде (октябрь 1992 г.).

Для окончательного оформления новой концепции развития необходимо было признать за идеями Дэн Сяопина качественную новизну, что давало основание для внесения более глубоких изменений в идейно-теоретическую доктрину, оставляя ее в то же время фактором социально-политической стабильности. Руководящей идеологией КПК на XIV съезде были названы «марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзэдуна и теория Дэн Сяопина о строительстве социализма с китайской спецификой». В результате ее автор стал не просто политическим лидером, «архитектором реформ». Претендуя на более высокое, адекватное масштабу поиска новой идентичности место, он встал вровень с Сунь Ятсеном, завоевавшим авторитет в качестве лидера национального освобождения, и Мао Цзэдуном, олицетворявшим социалистическую идентичность Китая. Но такая зависимость политической системы от Дэн Сяопина была неприемлема в свете его преклонного возраста. Видимо, поэтому в докладе XV съезду (сентябрь 1997 г.) было подчеркнуто положение об управлении государством на основе закона, гарантировавшее руководящую роль КПК вне зависимости от личности лидера.

Содействуя возрождению некоторых традиционных ценностей и форм общественной жизни, компартия объективно способствовала появлению и быстрому росту влияния секты Фалуньгун, положившей в основу своей деятельности высокие нравственные принципы и подвергшей КПК критике за рост коррупции и нравственную деградацию. Деятельность Фалуньгун, превзошедшей по численности членов КПК, показала, что традиция

по-прежнему представляет реальную угрозу современности. Жизнь, таким образом, вновь подтолкнула КПК к активному поиску новой платформы общественной консолидации. Поддержание стабильности требовало создания такой системы власти, которая бы соответствовала нескольким параметрам — сложившейся экономической системе, официальным идеологическим принципам, национальным традициям, а также обладала способностью к воспроизводству. В процессе ее реализации выяснилось, что это вполне осуществимая задача.

Заложив новую общественную систему, Дэн Сяопин обрел высшую из возможных степеней легитимности. Назвав действовавшее руководство КПК «третьим поколением» руководителей, он ввел его в историю КНР как правящую династию. Однако для ее утверждения в этом качестве необходима была свежая идея, особый вклад в государственное строительство, адекватный историческому масштабу реформ предшественника. Первый вывод о реформе власти, таким образом, был сделан — в основе государственного управления должна лежать не только законность, но и нравственные принципы, воплощенные в политических традициях управления.

В начале 2000 г. Цзян Цзэминь заявил, что партия пользуется поддержкой народа потому, что всегда выражала требования развития передовых производительных сил, интересы широких народных масс и передовой культуры. Теоретическую зрелость идеи «3-х представительств» аргументировало выдвинутое им новое методологическое положение «следовать времени», вставшее в один ряд с «реалистическим подходом». Идея Цзян Цзэминя была названа «китайским марксизмом нового века». Отчетный доклад XVI съезду (ноябрь 2002 г.), утвердив все теоретические новации и официально провозгласив в качестве нового социального ориентира общество «сяокан», сделал еще один шаг в сторону исторической традиции, такой

же, как формирующийся механизм власти. Данное на нем определение КПК как «авангарда китайского рабочего класса, китайского народа и китайской нации» создало благоприятные предпосылки для консолидации. Для успеха модернизации необходимо было решить последнюю задачу — обеспечить устойчивость поступательному движению.

Важнейшим критерием зрелости общественной системы является ее способность к воспроизводству. Передача власти от Дэн Сяопина Цзян Цзэминю была важным событием, значение которого тем не менее не выходило за рамки конкретного политического контекста, став успешным опытом политической преемственности.

Передав власть Ху Цзиньтао, Цзян Цзэминь на первый взгляд просто повторил действия предшественника. Но именно повторение позволило событию политической истории стать общественно-политическим институтом, являющимся центральным элементом формирующейся политической системы. Канонизация «3-х представительств» в Уставе КПК позволила ее автору повысить свой статус до харизматического и сохранить контроль за политическими процессами. Таким образом, в дополнение к официальному руководству был создан еще один рычаг поддержания социально-политической стабильности, ограничивающий следующее поколение руководителей установками предыдущего. Как родовое понятие, продолжающее ряд «идеи Мао Цзэдуна» — «теория Дэн Сяопина», идея «3-х представительств» вводилась в политический механизм в качестве полноправного субъекта. Законодательное ограничение срока пребывания на высших государственных и партийных постах, механизм преемственности и соблюдение процедур легитимации предложили новый механизм воспроизводства власти, который можно рассматривать как завершающий элемент китайской модели модернизации.

Жизнеспособность складывающейся в КНР общественной системы связа-

на с тем, что политическая сила, выполняющая взятые на себя обязательства по преодолению отставания от других государств, неизбежно превращается в главную ценность модернизации. Ее политический успех обусловлен, во-первых, способностью мобилизовать традицию для достижения своих целей. Во-вторых, политической организацией и волей, от которых в конечном итоге зависит успех мобилизационного развития. В-третьих, вниманием к научному потенциалу для анализа текущей ситуации и определения тенденций развития.

Глобализация превратилась к концу XX в. в важнейший фактор мирового развития. Изменившийся характер внешних условий был зафиксирован КПК, охарактеризовавшей теорию Дэн Сяопина как соединение марксизма не только с практикой Китая, но и спецификой современной эпохи, «вскрывшее сущность социализма».

В этих условиях КПК необходимо было вновь определить характер внешнего влияния, учитывая уже не борьбу капитализма и социализма, а тенденции мирового развития, особенно взаимоотношения Восток — Запад. Расширение сферы противостояния за счет культуры способствовало поискам идентичности в реконструкции национальной традиции, стихийно воспроизводившейся большинством элементов общественной жизни. В итоге в социализме было найдено не оптимистическое продолжение европейского развития, а цивилизационная перспектива Востока.

В начале XXI в. в Китае сложилась общественная система, которая, структурно отличаясь от западной, стремится быть адекватной требованиям современного мира. Основные контуры этой системы изначально были присущи социализму — авангардная партия подходила для мобилизационного развития и была близ-

ка традициям бюрократического управления, а предлагаемая ею централизованная плановая экономика соответствовала задачам текущего этапа развития. Однако в процессе функционирования этой системы вскрылись недостатки: высокая социально-политическая активность, мобилизуемая в ходе массовых общественных кампаний, дестабилизировала ситуацию, сдерживая экономический рост, а повышению темпов с помощью рыночных механизмов мешали идеологические принципы.

Стихийное возрождение конфуцианских норм, на определенном этапе поддержанное властью, ослабило социальное напряжение, а предпринятые КПК внутренние преобразования преодолели революционный радикализм и инерцию партийного догматизма, превратив партию в признанный институт государственного управления. В итоге китайская цивилизация восстановила традиционный принцип регулирования общественной жизни — не через авторитет силы, а через силу авторитета.

Целью Китая на нынешнем этапе является поиск стратегии развития, формирующей новую идентичность. Опыт социалистического строительства, интегрировавшего западную индустриальную культуру в национальные традиции и создавшего феномен мобилизованности, стал основой для такого движения. Проводимая КПК политика модернизации стала приобретать новые черты, превращаясь из единовременного акта приведения реформируемого организма в соответствие определенным критериям в тип развития, стремящийся к постоянно повышающейся планке мирового уровня — «соответствию времени».

Таким образом, в истории китайской модернизации можно отчетливо проследить две основные фазы: революционную и эволюционно-реформационную, которые поочередно сменяли друг друга. В ходе первой китайская цивилизация преодолела инерцию и приводила в движение

традиционную культуру, не подчинявшуюся реформаторским импульсам, создавая тем самым условия для перехода в новое качественное состояние. Избранная сторонниками социализма мобилизованность способствовала формированию новой идентичности. Однако революционные изменения в силу высокой динамичности оказались не способны быстро создать стабильные формы воспроизводства и, в отличие от эволюционных, были отягощены обратимостью, а достигаемый ими рост был чреват тотальным разрушением социального организма. Именно поэтому все китайские революции (Синьхайская (1911 г.), национальная (1925–1927 гг.), народная (1949 г.)) сменялись периодом спада и попятного движения, вызывавшим потребность вновь и вновь прибегать к революционным методам. Что в конце концов привело к «культурной революции», на протяжении 10 лет последовательно уничтожавшей фрагменты традиционной культуры.

Второй фазой преобразований стали реформы, призванные трансформировать новую реальность в стабильную социальную систему. Институционализация мобилизованности в процессе реформ превратила ее из черты развития в более фундаментальную характеристику — элемент механизма развития, соответствующий уплотнившемуся социально-историческому времени. Всю вторую половину XX в. общественное развитие Китая связывалось с социалистическим движением. Но по мере того как революционная фаза развития уходила в прошлое, характер общественного развития Китая все меньше связывался с социалистической парадигмой, и все настойчивее проявлялось желание по-новому концептуализировать его социально-историческую динамику.

К началу XXI в. в Китае появились контуры новой модели, призванной преодолеть конфликты между властью и современной культурой, традицией и материально-техническим прогрессом, но

ее механизм не действует автоматически и требует постоянных усилий, что неизбежно отражается в типе развития. Окончательный исход модернизации, таким образом, зависит от цивилизационной целостности, допускающей мобилизационность и сохраняющей в определенной мере элементы старых институтов, а также от целенаправленной деятельности политических партий и их лидеров, использующих социокультурные традиции для решения современных политических задач.

На первом этапе модернизации доминирующей тенденцией было приобретение динамизма за счет заимствования западной культуры и западных форм исторического развития, способных вытолкнуть общество из состояния социально-политического застоя и начать движение в сторону западного мира, далеко ушедшего вперед в техническом и экономическом развитии. Освоение достижений Запада было невозможно в рамках старого общества, внутренние связи которого необходимо было разрушить, а само общество сделать открытым для заимствований. Эта задача предопределила решающую роль революционных методов преобразований, способных преодолеть социокультурную инерцию. На следующем этапе главной стала интеграция заимствований и принесенных ими социальных изменений в социокультурную среду. Наступил этап взаимопроникновения и синтеза. По мере его осуществления все острее чувствовалась потребность закрепить и эффективно использовать эти достижения. Главной задачей стало достижение стабильности, которое потребовало усиления внимания к традиционной культуре. В процессе стабилизации началась стихийная, а затем все более сознательная и направляемая государством реконструкция традиционных структур, прежде всего социально-политических.

Целью модернизации, таким образом, можно считать достижение универсальных социально-экономических показателей, обеспечивающих независимость

общества от давления извне и гарантирующих самосохранение культуры. Однако процесс модернизации не ограничивается, как долгое время было принято считать, социально-экономическими преобразованиями и следующими из них изменениями в социально-политической сфере. Экономический детерминизм, свойственный европейской цивилизации и зафиксированный в европейских социологических концепциях, прежде всего марксистских, не действует в Китае в полном объеме. Экономические преобразования являются необходимым этапом в приведении уровня развития в соответствие с мировым и ликвидации, таким образом, угрозы поглощения внешней средой. На следующем этапе главной задачей становится обретение нового качественно нового состояния — новой идентичности, неразрывно связанной с социокультурными традициями и способной гарантировать удержание этого статуса. При этом формирование социально-политических механизмов находится в непосредственной зависимости от социокультурных факторов, которые обладают исключительной способностью придавать стабильный характер общественному развитию в период крупномасштабных перемен. Модель успешной модернизации включает, таким образом, элементы традиций политической культуры, применение и использование которых для текущих политических преобразований придает новой системе завершенность и превращает в фактор стабильности.

В свою очередь, и социализм применительно к Китаю может быть представлен не как общественный строй, лишенный вызревших в Европе недостатков и классовых противоречий. «Социализм с китайской спецификой» представляет собой мобилизационную социально-историческую модель, избранную китайской цивилизацией для овладения западными методами в целях преодоления разрыва в уровне развития. Использование в ней европейского опыта ограничено не только

социально-экономическими условиями, но и в не меньшей степени социокультурными традициями.

Ведущую роль в успешном осуществлении модернизации играет общественная мысль, способствующая формированию политических движений и партий, готовых провести социально-экономические преобразования, а затем осуществляющая синтез с социокультурными традициями, придавая обществу стабильные формы воспроизводства. Выбор Китаем марксистской теории и идеологии, а затем и социалистического пути был продиктован не зрелостью классовых противоречий и необходимостью вести поиск путей достижения социальной справедливости, а давлением западного мира и необходимостью заимствовать адекватные для его отражения средства. Существенную роль в восприятии марксистской идеологии и практики сыграли социокультурные традиции Китая, близкие по своим параметрам европейским социальным утопиям.

Политическая практика марксизма была воспринята в Китае, поскольку претерпела глубокие изменения в России и

уже там была частично адаптирована для использования в восточных обществах. Дав Китаю характерные для западной цивилизации инструменты преобразований, большевизм сыграл решающую роль в переходе Китая от традиционных форм общественного устройства к современным. При этом и сам марксизм последовательно эволюционировал и как идеологическая концепция, и как общественно-политическая практика в направлении национальных традиций, сначала превратившись в большевизм в России, а затем в китаизированный марксизм в Китае.

Завершающим этапом формирования модернизационной модели стало формирование эффективной политической системы. Важнейшими ее чертами являются механизм воспроизводства власти, т.е. обеспечение ее сменяемости, гарантирующее адекватное внимание нового руководства вызовам и угрозам эпохи, и механизм преемственности, учитывающей как необходимость идеологической легитимизации в русле революционных традиций обретения власти КПК, так и соответствие социокультурным традициям.